

Пора и за свадебку!

Когда заканчиваются уборочные работы, на селе начинается череда спокойных повседневных дел и праздников. Самое время играть свадьбы! Возможно, в наш век прогрессивных технологий и обилия спецэффектов в это трудно будет поверить, но свадьбы наших предков проходили гораздо ярче и веселее.

Ни одна свадьба в давние времена не обходилась без сватовства, ряженных и песен. Невесту подбирали загодя, приглядывая подходящих работающих девушек в соседних деревнях и селах.

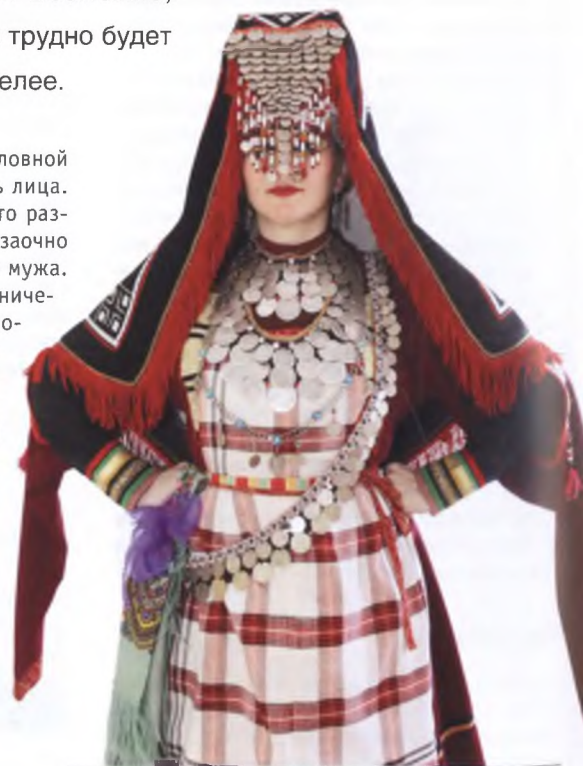
Не просто дочь – сокровище отдаем

Удмуртские девушки выходили замуж в более позднем, чем юноши, возрасте. Родители не стремились побыстрее отдать чадо в чужой дом – лишними женские руки в хозяйстве никогда не были. Поэтому до сватовства девушка успевала пошить себе немалое приданое. По этой же причине и откуп за невесту требовали солидный, чтобы не только покрыть расходы на воспитание дочери, но и компенсировать будущие убытки в хозяйском доме.

Прапрабабушки современных удмуртов были необычайно скромными. Даже если они знали будущего жениха, то встреч с ним до сватовства избегали, в глаза смотреть стыди-

лись. Последнему способствовал и головной убор, прикрывающий верхнюю часть лица. Благодаря ему жениху было непросто разглядеть свою суженую, зато она могла заочно оценить силу и внешность будущего мужа. Правда, от ее вердикта практически ничего не зависело, согласие девушки носило символический характер. Родители парня выбирали невесту сами, затем вместе со сватами приезжали в дом родителей девушки и задавали завуалированный вопрос: «Есть ли в доме телка на продажу?». Говорить о цели приезда напрямую считалось бестактным.

Отвечать напрямую тоже было не принято. Если родители невесты готовы были отдать свою дочь в новую семью, то мать застила стол белой скатертью. В случае положительного решения через несколько дней в доме невесты проходил сговор ме-

жду будущими родственниками. Отец жениха приносил с собой деньги, которые выкладывал на блюдо с маслом. Матери обсуждали размер и состав приданого невесты. Вслед за успешным сговором в некоторых частях Удмуртии невесту сразу увозили в дом жениха, где наутро совершался обряд купания, после которого на девушку впервые надевался женский головной убор. В таких случаях пира в доме невесты не было, а в назначенный день в дом родителей жениха на празднество приезжал свадебный поезд со стороны невесты.

восседал на подушках и занимал главенствующее положение. Чтобы взять с жениха и его сопровождающих выкуп, родня невесты загодя закрывала ворота. Под калитку просовывали лопату, на нее родные жениха выкладывали плату за проход, после чего свадебному поезду разрешалось «въехать» во двор, где жениха уже поджидали родители невесты с хлебом и маслом, вином. Затем жених с сопровождающими заходили в дом невесты, после чего двое его друзей ставили посреди избы светец, на-

Родители не стремились побыстрее отдать чадо в чужой дом – лишними женские руки в хозяйстве никогда не были. Поэтому до сватовства девица успевала пошить себе немалое приданое.

Первая волна празднеств

Если невесту сразу не увозили, то родители жениха снова приезжали в ее дом, чтобы обговорить свадебные мероприятия. В некоторых районах после этого родители невесты осматривали будущее хозяйство дочери, приезжая в дом жениха. Совершался выезд не из праздного любопытства – на месте было легче определить, что еще следует включить в приданое чада. Тем более что времени на добор всего необходимого было предостаточно.

Первый свадебный пир проводился в доме невесты. Его приурочивали к обряду выкупа. В этот день жених, его друзья и родственники надевали самые нарядные одежды, предназначенные для подобных торжеств. Украшали лошадей, повозку, слушали наставления старших.

В это время в доме невесты полным ходом шли хлопотные приготовления: накрывали на стол, развешивали декоративные полотенца, занимали места согласно заранее распределенным ролям (всего исследователями зафиксировано их около 200). Важное место отводилось главному распорядителю свадьбы – тэро (от тэр – «передний угол», букв. – сидящий в переднем углу), именно он давал зачин традиционной свадебной песне. Этот уважаемый человек пользовался особым почтением на свадьбе: его возили из дома в дом – на санях зимой либо на маленьких тележках в другое время года. За столом он

лепляли на него свечку и обходили ритуальный атрибут трижды по кругу, читая вслух охранную молитву. После этого к ним присоединялась невеста и остальные гости. Начинался свадебный пир.

За угощением следовали свадебные песни и обход дворов родственников невесты для более близкого знакомства с новой родней. По завершении обхода главного распоряди-

Плакали невеста и ее родня не только из-за предстоящей разлуки. По традиции удмуртская невеста старалась выплакать все слезы, чтобы потом стойко переносить все тяготы супружеской жизни.

теля свадьбы увозили домой, а остальные возвращались в дом невесты за вновь накрытый стол.

Главное веселье начиналось после пира, когда молодежь устраивала шумные розыгрыши и игровые вариации. Невесте в этот день полагалось быть шаловливой и изобретательной, как и ее ближайшим подругам. Выйдя из-за стола, девушка пряталась вместе с подружками на ржаном поле или в овине. Будущий муж с друзьями подхватывали эту игру и кидались искать невесту, а когда находили, вновь вели в избу. Но по пути их встречала местная молодежь, которая, не желая отпустить «свою» девицу без борьбы, устраивала шуточную потасовку. Заканчивалась она очередным откупом со стороны жениха.

В Завьяловском районе «время прятков» наступало после обряда прощания с домом и подворьем. Местные невесты прятались в клетях, а искали их девушки, приехавшие со стороны молодого, – их задачей было увести ее в дом и нарядить в дорогу.

В Глазовском районе момент расставания невесты с родным домом сопровождала феерия розыгрышей и шуток. Невесту, к примеру, подменяли одной из женщин (пышьер), находившейся перед отъездом в соседнем доме. Туда ненадолго убежала невеста, а вместо нее в сопровождении близкой подружки выходила в свадебном платье пышьер, прикрыв лицо платком. У жениха спрашивали, за этой ли девицей тот приехал, а молодой, зная обычай, отвечал, что это ложная невеста. И тогда женщина возвращалась в дом, после чего выводили настоящую суженую.

В Якшур-Бодьинском районе существовал схожий обычай, только здесь в невесту рядили мужчину, подкладывая ему большой горб из лоскутков ткани, и спрашивали жениха, хороша ли невеста. И начиналась шуточная словесная баталия. Друзья и родня жениха всячески ругали подмену: «У нее и уши разные – левое ухо на правой стороне, и нога одна короче другой», а те, кто привел «невесту»,

напротив, всячески нахваливали «товар»: «Она смиренная, работающая да непьющая». Не менее шумно протекал эпизод с похищением невесты. Чтобы избежать этого события, к ней приставляли «телохранителей» со стороны жениха, но если похищение удавалось повернуть, девицу выкупали у похитителей вином или деньгами.

Затем невеста прощалась с домом. Родня после откупа приданого выносила его из избы, укладывали добро в повозку. Но даже после этого просто так уехать жениху не позволяли. Закрывали ворота и требовали очередной откуп. Отъехав несколько метров, глав-

ный распорядитель со стороны жениха слезал с повозки и проводил поперек улицы черту, символизирующую отсутствие обратного пути для невесты.

В доме жениха невесту с сыном встречали хлебом, маслом, солью и вином родители будущего мужа. Мать стелила на пол за дверью белую ткань или половик, чтобы молодые не наступали на голый пол. После чего невесту провожали в женскую половину дома и усаживали на подушку. Родня подносила ей хлеб. Девичью косу расплетали и делили волосы на две части, затем заплетали их заново и укладывали вокруг головы особым образом. А мать мужа меняла девичий платок снوخ на головное полотенце замужней женщины, что знаменовало окончание девичества. После небольшого перекуса молодых готовили к первой брачной ночи. Крестная мать жениха застилала постель, которая входила в приданое невесты. Присутствующие провожали новую семью за полог, после чего гости пили за то, что уложили молодых спать.

На следующее утро совершался обряд купания снохи, проводился осмотр приданого и испытания невесты.

Жесткие испытания для сильных духом невест

Традиционные испытания, с одной стороны, носили символический шуточный характер, а с другой – раскрывали потенциал девушки как будущей хозяйки. Они не сильно различались, несмотря на территориальную отдаленность удмуртских общин. Три задания проводились повсеместно.

Во время первого испытания молодуха пекла табани, а со стороны жениха ей всячески препятствовали в этом. В Можгинском районе гости вначале пытались украсть кадку с квашней, вымазывали друг друга тестом, а затем забирались на крышу дома и бросали в трубу живого петуха. Изба тут же наполнялась дымом, сажа осаживалась на предметах утвари, вызывая шуточную панику среди домочадцев.

Особое искусство невесты состояло в том, чтобы уберечь выпечку от разлетающейся сажи. Жители Малопургинского района бросали в дымоход курицу и следили за ее дальнейшим поведением: если птица пряталась под печкой, значит, невесте суждено долго в этом доме жить, а если кинулась к двери, выходящей на улицу, – невеста вскоре покинет дом. В некоторых районах в трубу никого не запускали, попросту закрывая отверстие заслонкой и вызывая схожий эффект. В деревне Новая Монья, когда молодая хозяйка пекла табани, заводили в дом украшенную заплетенными в гриву и хвост лентами лошадь, угощая ее кумышкой или пивом и свежеспеченными невестой мучными изделиями.

Второе испытание заключалось в уборке избы. Задание было забавным и чем-то напоминало задачу мачехи для Золушки. Пол забрасывали деньгами и соломой, а невеста должна была отделить монеты от мусора. При этом гости не стояли в стороне, а вновь и вновь разбрасывали собранные деньги. Поэтому к испытанию на стороне невесты подключался жених, и деньги, как правило, вскоре красовались отдельной кучкой.

Третье испытание приурочивалось к купанию новобрачной. После купания она черпала приготовленной ведрами воду из реки и несла ее в дом. По замыслу молодая хозяйка должна была донести воду, не расплескав, но ей пытались в этом помешать, поэтому она порой многократно возвращалась к водоему, чтобы вновь наполнить емкости. В ряде мест принесенную воду удмуртка предлагала гостям, обходя каждого. Если кто-то отказывался пить или не выпивал до конца, тому плескали воду в глаза.

Для жениха тоже предусматривалось испытание. Заключалось оно в том, чтобы расколоть с первого удара чурку с заранее вбитыми монетами.

Удмурты любили подшучивать и ряздаться

Второй пир проводился в доме жениха. За три дня до него девушка возвращалась в отчий дом.

Для пира в родительском доме жениха было характерно ряженье. В этот день позволялся и поощрялся практически любой образ. Мужчины надевали женские наряды или притворялись стариками, женщины рядились мужчинами, забавляя своим одеянием и поведением всех гостей. Для достижения желаемого образа «старика» надевали вывернутую наизнанку шубу и шапку, лицо прикрывали лоскутом ткани, из тряпок сооружали горб, пряча его под шубой, и наклеивали «бороду» из пакли. Многие примеряли на себя образ цыганки, солдата, медведя и т.д. Рядились и под жениха с невестой (чаще всего парни), причем «невесте», как правило, делали из тряпок огромный живот, что служило поводом для многочисленных шуток. Иногда в наряд «молодоженов» входили половые органы гипертрофированной

величины и формы, изготовленные из соломки, тряпок и пакли, прикрытые длинными фартуками.

Во время второго пира гости со стороны невесты вели себя очень шумно и могли позволить себе многие вольности. Они лезли в подполье, требовали выпить, ломали или гнули ложки и били посуду, поэтому многие хозяйки перед пиром самое ценное припрятавали. Гости распевали песни, главным действующим лицом которых являлся заплесневелый бочонок, который родня просила в обмен на невесту. Под вино они выкрадывали стаканы, которые потом жених с домочадцами должны были у них выкупить. Пытались украсть и невесту, из-за чего между обеими сто-

После купания новобрачная черпала ведрами воду из реки и несла ее в дом. По замыслу молодая хозяйка должна была донести воду, не расплескав, но ей пытались в этом помешать, поэтому она порой многократно наполняла ведра водой.

После пира невеста садилась на скамейку, и все ее родственники, прощаясь, брали девушку за руку и целовали. Одновременно пели песню на свадебный напев, символизирующую горькую участь женщины, вынужденной расставаться с родным домом. На этот пир завершился.

«Жизнь после свадьбы»

В некоторых местах на следующий день по окончании свадебного пира молодые приезжали в дом невесты и посещали тех родственников, к которым не успели зайти в первый день свадьбы. В северной и центральной части республики родители невесты навещали молодых сами и привозили ей прялку. В первую осень после свадьбы в качестве приданого родители молодухи посылали ей в дар домашнюю скотину: теленка, овцу, жеребенка. В пору сенокоса посылали молодой семье косу и грабли. Тогда же невесту купали в последний раз во всей одежде. Причем водой обрызгивали не только ее, но и всех, кто находился поблизости. Чтобы выйти из реки, девушка угощала всех заранее подготовленным пивом и кумышкой. Заканчивался «сезон одаривания» через год, когда родители невесты приглашали дочь с мужем к себе в дом и преподносили им верхнюю зимнюю одежду. С этого момента новая семья считалась состоявшейся.